

Амелия
БОРН

ЖЕНА

на полставки

современный любовный роман

Амелия Борн

Жена на полставки

<https://litres.ru/74337482>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Малышка, венчание - требование моего отца. Его внук должен родиться именно в таком браке.

Голос мужа пропитан одновременно нежностью к той, кому он это говорит, и ядовитой презрительностью к теме беседы.

- К Соньке можешь не ревновать. Она - жена на полставки. Ну залетела, да, как я тебе и говорил. Но это тоже требование папы.

Я почти не дышу, а мир плывет кругом разноцветными пятнами. Уже знаю до черточки голос, который услышу следом. Голос бывшей моего мужа. И он звучит:

- Илюш, ты же понимаешь, я терпеть того, что ты с женой спишь, не стану. Уйду, как тогда

Пауза и мой муж тихо, но уверенно отвечает, повторяя то, что уже говорил ранее:

- Она беременна и я отмажусь от постели. Помни: Сонька - жена на полставки.

Амелия Борн

Жена на полставки

- Малышка, венчание - требование моего отца. Его внук должен родиться именно в таком браке.

Голос мужа пропитан одновременно нежностью к той, кому он это говорит, и ядовитой презрительностью к теме беседы.

- К Соньке можешь не ревновать. Она - жена на полставки. Ну залетела, да, как я тебе и говорил. Но это тоже требование папы.

Я почти не дышу, а мир плывет кругом разноцветными пятнами. Уже знаю до черточки голос, который услышу следом. Голос бывшей моего мужа. И он звучит:

- Илюш, ты же понимаешь, я терпеть того, что ты с женой спишь, не стану. Уйду, как тогда...

Пауза и мой муж тихо, но уверенно отвечает, повторяя то, что уже говорил ранее:

- Она беременна и я отмажусь от постели. Помни: Сонька - жена на полставки.

Я пекла печенье.

Точнее, пыталась сделать его идеальным - таким, как любил Илья. Он как-то обмолвился, что в детстве мама баловала его песочным печеньем с лимонной глазурью. Конечно, мама пекла его сама, а я, если честно, до знакомства с Ильей

духовкой пользовалась разве что для разогрева пиццы, но разве это могло стать преградой?

Тесто пришлось замешивать дважды. Первая партия у меня получилась жесткой, как галеты, - я слишком усердно его вымешивала - старалась и перестаралась. На второй раз все было уже ближе к идеалу, я добавила чуть больше сливочного масла, помня бабушкин совет о том, что маслом кашу не испортишь. Сахар и желтки взбивала миксером до тех пор, пока рука не заныла, а не особо приятная на первый взгляд субстанция не превратилась в нежнейший светлый крем. Даже муку просеяла трижды, хотя всегда считала это излишним занятием для тех, у кого слишком много свободного времени.

Пока противень стоял в духовке, я сидела на полу у плиты и смотрела, как печенье поднимается. Не знаю почему, но в эти минуты я чувствовала себя по-настоящему счастливой. Может быть, потому что в этом было что-то правильное. Я - жена. Я жду ребенка от любимого мужчины. Я пеку печенье, и оно у меня получается. Разве не из этого соткано то самое женское счастье, о котором все говорят? Мне казалось, что именно так и выглядит моя новая жизнь - теплая, сладкая, с ароматом ванили и лимонной цедры.

Глазурь я делала, сверяясь с рецептом на телефоне. Сахарная пудра, лимонный сок, буквально пара капель. Я застыла с ложкой в руке, потому что на экране высветилось сообщение от Ильи.

«Малышка, сегодня задержусь. Но ты приезжай, как договаривались, к трем. Я договорился, тебя пропустят».

И смайлик с сердечком.

Я закусила губу и улыбнулась. Конечно, я приеду - все равно собиралась к нему так или иначе. Но явлюсь не с пустыми руками, а с лакомством, которое точно перенесет Илью в детство. Там, где у него еще были теплые и родные мамины руки...

Я сложила печенье в коробку - красивую, эстетичную, которую купила специально для этого случая, - перевязала ее лентой и посмотрела на дело своих рук. Коробка выглядела так, будто я купила ее в дорогой кондитерской, а не испекла содержимое сама, стоя на кухне в неровно повязанном фартуке и следами муки на носу.

После чего переоделась, вызвала такси и поехала.

В машине меня немного подташнивало. Срок был еще крошечный, но токсикоз уже давал о себе знать, особенно в транспорте. Я приоткрыла окно, подставила лицо ветру и постаралась думать о хорошем. О том, как Илья обрадуется, как скажет, что ему страшно повезло. Как поцелует меня в висок - он всегда так делал, когда был в хорошем настроении.

Мы поженились три месяца назад.

В голове до сих пор не укладывалось это слово - «поженились». Я иногда просыпалась по ночам и смотрела на спящего Илью. Просто смотрела, стараясь дышать как можно тише, чтобы не разбудить любимого. Он спал, чуть нахмутив

темные брови, и даже во сне выглядел серьезным. Мне все казалось, что я вот-вот проснусь в своей старой квартире, в своей старой жизни, где не было ни Ильи, ни кольца на пальце, ни ребенка под сердцем.

Но нет - свадьба была реальной. И ребенок тоже.

А еще впереди нас ожидало таинство венчания, на чем настоял отец Ильи. Он был человеком старой закалки и для него важным будет являться тот факт, что внук родится не только в законном, но еще и в венчаном браке. Это не просто формальность, а гарантия благословения Божьего. И мы готовились к венчанию. Скрупулезно, как однажды выразился Илья.

Мне нравилось это слово. Я думала, что так Илья проявляет свои серьезность и любовь. У него имелось желание сделать все правильно. Я не замечала, что он говорит «надо» чаще, чем «хочу», и что, глядя на меня, его глаза редко улыбались, даже когда губы растягивались в улыбке.

Не замечала ровно до этого дня, но о данном факте - позже...

Офис компании «Гордеев и партнеры» располагался в бизнес-центре с зеркальными окнами. Охранник на входе действительно меня ждал - узнал и сразу проводил на нужный этаж. Я несколько раз оглядела свое отражение в зеркальной панели лифта, нервно поправила волосы, одернула легкое платье.

Все должно было быть идеально.

Я должна была быть идеальной.

На ресепшене никого не оказалось. Я немного потопталась на месте, а потом решила сама пройти к кабинету Ильи. Это «святая святых» находилась в конце длинного коридора, прямо напротив отцовских владений.

Коридор встретил меня тишиной и мягким светом. Я уже поравнялась с нужной дверью и даже занесла руку, чтобы постучать, но оказалось, что она была приоткрыта.

Я услышала голос мужа и замерла, как истукан.

- Малышка, венчание - требование моего отца. Его внук должен родиться именно в таком браке.

Я вжалась в стену рядом с дверью, как будто за ней стоял кто-то, кто мог причинить мне боль. Я не дышала. Сердце стучало в висках и горле, вызывая тошноту, а все тело превратилось в слух, в одно сплошное напряженное ожидание чего-то ужасного.

Голос Ильи продолжал. Пропитанный одновременно нежностью к той, кому он это говорил, и ядовитой презрительностью к теме беседы.

- К Соньке можешь не ревновать. Она - жена на полставки. Ну залетела, да, как я тебе и говорил. Но это тоже требование папы.

Мир поплыл. У меня закружилась голова, и я оперлась плечом о холодную стену, потому что ноги вдруг стали ватными. Я почти не дышала, а мир плыл кругом разноцветными пятнами.

Я уже знала до черточки голос, который услышу следом. Голос бывшей моего мужа. Вероники. Тот самый, от которого у меня холодели пальцы еще тогда, когда я впервые услышала его, когда мы случайно столкнулись в магазине.

И он зазвучал:

- Илюш, ты же понимаешь, я терпеть того, что ты с женой спишь, не стану. Уйду, как тогда...

Пауза. Всего на мгновение. А потом мой муж тихо, но уверенно ответил, повторяя то, что уже говорил ранее:

- Она беременна, и я отмажусь от постели. Помни: Сонька - жена на полставки.

Коробка выскользнула из моих ослабевших пальцев. Возможно, в ней даже поломалось печенье, на которое я потратила все утро и всю свою нежность.

Она упала на ковровую дорожку с мягким стуком и я не стала ее поднимать. Просто развернулась и пошла прочь, стараясь ступать бесшумно.

Лицо горело так, будто меня отхлестали по щекам. В ушах набатом билось: «жена на полставки», «залетела», «отмажусь от постели». Я шла, и мне казалось, что коридор сужается в туннель, что мир сжимается до размеров игольного ушка, в которое я никогда не пролезу. Я, та самая Соня, которая так гордилась своим званием жены и будущей матери, оказалась всего лишь разменной монетой в чужой игре.

Я почти дошла до лифта, когда меня остановил мужской голос - низкий, с металлическими нотками.

- Соня?

Я резко обернулась и замерла как вкопанная. Передо мной стоял отец Ильи, Аркадий Викторович. Высокий, широкоплечий, моложавый - точная копия мужа, только постарше. И у него был цепкий пронизывающий взглядом, от которого мне всегда становилось немного не по себе. Он смотрел на меня - на мое бледное лицо, на дрожащие руки, которые я судорожно сцепила в замок. Смотрел и, кажется, видел все.

- Пойдем-ка, - сказал Гордеев-старший не терпящим возражений тоном и кивнул на дверь своего кабинета. - Поговорим.

Я замешкалась.

- Аркадий Викторович, я... Мне пора. Илья ждет...

- Илья подождет. - Он чуть прищурился, и в его интонации прорезалась сталь. - А вот наш разговор - нет. Проходи.

Я все же вошла в кабинет, хотя мне хотелось провалиться сквозь землю и оказаться где угодно, но только не здесь.

Свекор закрыл за нами дверь и указал мне на кожаное кресло напротив его массивного стола из темного дерева. Я села, аккуратно сложив руки на коленях и чувствуя себя так, словно меня вызвали к директору школы, хотя вроде бы ничего плохого не сделала.

Аркадий Викторович прошел к своему месту, но садиться не стал. Встал у окна, спиной ко мне. Солнце светило ему в лицо, и я скорее угадывала, чем видела, как он хмурится.

- Я достаточно пожил на этом свете, Соня, чтобы видеть

больше, чем мне стараются показать, - произнес он, наконец обернувшись. - Рассказывай.

Я замотала головой.

- Все в порядке. Просто... у вас тут жарко. И токсикоз.

Я попыталась выдавить из себя улыбку - и тут же пожалела об этом, потому что она явно вышла жалкой и кривой.

Знаете, почему я ничего не хотела ему объяснять? Причина проста - с Ильей мы знакомы не так, чтобы очень долго, а с его семьей - еще меньше. Где у меня гарантии того, что Аркадий не скажет мне сейчас: дурочка, ты разве не в курсе, что в нашем обществе так всегда? Есть жена, а есть те, кто занимает особое место рядом с мужчинами нашего круга.

Гордеев-старший подошел к столу, оперся на него ладонями и посмотрел на меня сверху вниз.

- Ты слышала что-то, чего не должна была слышать, - произнес он утвердительно, и в этом не было и намека на вопрос. - Я видел, что отошла ты от двери моего сына. Отвечай - что там произошло?

Я сглотнула и помотала головой.

- Нет, - еле слышно ответила ему. - Ничего такого.

Он продолжал буравить меня взглядом. Я чувствовала себя бабочкой, пришпиленной булавкой к картону, - абсолютно прозрачной и беззащитной. Еще быющей яркими крыльями, но уже вот-вот готовой застыть навсегда.

- Соня, я уважаю тебя за то, что ты пытаешься сохранить лицо. И, видимо, не только свое, - негромко сказал он. - Но

не стоит недооценивать меня. Я лучше знаю своего сына. И знаю тех, кто вокруг него вьется. Если этот разговор касается твоей семьи - моего будущего внука, я должен быть в курсе. Понимаешь?

Я кивнула и продолжила врать, решив, что уж сегодня он точно от меня ничего не услышит.

- Все хорошо. Правда. Просто гормоны, - сказала я, вставая с кресла прежде, чем он успел возразить. - Спасибо за заботу, Аркадий Викторович. Но мне действительно пора.

Я почти побежала к двери, спиной чувствуя его тяжелый взгляд. Уже у самого выхода он бросил мне в спину фразу, которая вжала меня в пол не хуже слов моего мужа:

- Соня... Надеюсь, ты окажешься умнее, чем я думаю.

Умнее, чем он думает... Да-да, у него уже имелось какое-то представление обо мне, и скорее всего, не слишком мне льстящее...

Я вышла в коридор, прижимая дрожащие пальцы к щекам, и быстрым шагом направилась к лифтам. Коробка с печеньем так и осталась лежать там, у двери Ильи.

И было в этом что-то до жути символичное - моя любовь, аккуратно упакованная и никому не нужная.

Вот пусть она пока и пребывает в том месте, которое ей определил мой муж. А мне нужно собраться с мыслями.

Аркадий Викторович еще с полминуты смотрел на закрывшуюся дверь, за которой исчезла Соня. Сухо улыбнулся

уголком губ. Девочка врала - старательно, отчаянно, почти убедительно, - но врала. И это многое говорило о ней. Как минимум - что она не истеричка и не дура. Как максимум - происходит что-то такое, о чем она не хочет, а возможно, и боится говорить с отцом своего мужа.

Он вышел в коридор чуть позже - дал ей время уехать, не желая сталкиваться у лифта и продлевать неловкость, которую она София мучительно прятала. Хорошая девочка... Яркая, рыжая, теплая... Настоящая.

Коридор был пустым и наполненным тишиной, только где-то в отдалении гудел принтер. У двери кабинета Ильи что-то лежало.

Аркадий подошел ближе, чувствуя, как внутри поднимается уже знакомая за последние месяцы тяжесть. Он наклонился и поднял коробку - плотную, светлую, перевязанную лентой с явной претензией на эстетику. Такие вещи покупают не для себя, а чтобы доставить радость другому. Он чуть надавил пальцем на крышку - внутри что-то мягко хрустнуло, и он сразу понял: печенье.

Соня привезла домашнее лакомство мужу, оставила угощение на полу у его двери и ушла, чуть не плача.

Почему-то в том, что она пекла печенье сама, у него не было даже капли сомнения.

Он толкнул дверь кабинета Ильи без стука - и не ошибся. Сын стоял у окна и смотрел куда-то вниз, на улицу. Осанка напряженная, плечи подняты, ладони засунуты в карманы

брюк.

- Илья! - позвал его Аркадий.

Тот обернулся резко, как будто ожидал нападения, и вот оно случилось. На лице на мгновение проскользнуло что-то, похожее на досаду пополам с тревогой, но тут же исчезло под светской, немного рассеянной улыбкой.

- Отец? Я думал, у тебя совещание через полчаса.

Аркадий проигнорировал то, что сказал сын. Он медленно прошел в кабинет и поставил коробку на стол - ровно по центру, так, чтобы Илья не мог ее не заметить.

- Твоя жена заходила, - сказал буднично, а сам вцепился взглядом в лицо сына.

Илья опустил взгляд на коробку. Гордеев ждал, что сейчас, в этот самый момент, в глазах сына мелькнет недоумение, может быть, растерянность или даже вопрос - а почему коробка у отца в руках, а не у Сони? Но Илья просто отвел взгляд, и Аркадий заметил, как кадык сына дернулся, словно тот поспешно сглотнул.

- Да, мы... договаривались, что она заедет, - сказал Илья.
- Я просил ее об одном деле.

Это было похоже на ложь или на попытку скрыть нечто большее за простыми словами.

Аркадий слишком хорошо знал повадки своего сына. Когда Илья говорил правду, он не добавлял ненужных деталей. А сейчас зачем-то уточнил про дела - будто пытался залатать невидимую брешь в истории, о которой Аркадий пока даже

не спрашивал.

- Одно дело, значит, - повторил он, не скрывая легкого скепсиса во взгляде. - А привезла она тебе, судя по всему, домашнее печенье. Собственного приготовления. И оставила его на полу перед кабинетом. Почему?

Илья нахмурился. Теперь его растерянность выглядела почти натуральной - и Гордеев догадывался о том, с чем, вернее, с кем она связана.

- Я не знаю, почему она оставила ее там, - Илья пожал плечами. - Может, спешила или ей позвонили.

- Или она что-то слышала, отчего уронила и не захотела поднимать, - подсказал Аркадий.

Повисла короткая, но отчетливая пауза. Илья выдержал взгляд отца - на сей раз куда увереннее. Потом улыбнулся, и Гордеев даже ненадолго завис. Он знал эту улыбку - обаятельную, неотразимую, ту самую, которая открывала любые двери и закрывала любые неудобные темы. Слишком много раз в жизни он видел, как сын отделялся ею от сложных разговоров.

- Пап, у нас с Соней все в порядке. Правда. Все более чем хорошо, поверь мне.

Слова прозвучали как поспешная попытка заверить в том, во что сам сын не верил ни на йоту.

- Вот как, - Аркадий хмыкнул и опустился в кресло напротив, не спросив разрешения, после чего внимательно посмотрел на сына снизу вверх. Тот остался стоять - разговор

явно тяготил его. - Тогда, может, расскажешь, что здесь делала Вероника?

Илья не вздрогнул, но пальцы его правой руки чуть сжались, когда он поспешно выудил руку из кармана и занес, чтобы пригладить волосы. Аркадий заметил этот чуть нервный жест очень отчетливо.

- Вероника? - Илья усмехнулся и наконец обошел стол, садясь в кресло напротив отца. - Да, она тут была. Заходила поболтать. Мы расстались цивилизованно, пап, она иногда заглядывает, мы еще обсуждаем кое-какие общие моменты.

Снова - слишком много объяснений для вопроса, на который честному человеку хватило бы одного слова. Аркадий слушал, соединяя в голове разрозненные части паззла. Расстроенное лицо Сони, брошенная коробка. Поспешное вранье сына. И эта женщина - Вероника, которая «заходила поболтать».

- Послушай меня, Илья.

Голос его вдруг утратил всякую мягкость, и он сам почувствовал, как в груди просыпается та самая сталь, которую он годами учился сдерживать.

- Я не знаю, что именно здесь произошло. Но прекрасно осознаю две вещи. Первая: твоя жена вышла из этого коридора в таком состоянии, будто ей всадили нож под ребра. Вторая: вот это, - он кивнул на коробку с печеньем, - вещь, которую счастливая женщина не оставляет валяться на полу.

Он поднялся, а Илья продолжал сидеть, глядя не на отца,

а куда-то перед собой, и лицо его сделалось странно неподвижным - как будто к прежней тревоге добавилась еще и досада на то, что его раскусили.

Аркадий направился к двери, но у порога остановился и, не оборачиваясь, добавил:

- Соня носит моего внука. И я буду следить за тем, чтобы ни она, ни ребенок не пострадали, - он помолчал. - Даже если угроза будет исходить от тебя. Имей это в виду, пожалуйста.

Он вышел, тихо притворив за собой дверь.

Нужно будет внимательнее относиться к происходящему, чтобы вовремя понять, не стоит ли брак сына под угрозой. Если сейчас Гордеев-младший поднастрет ему тем, что не сможет удержать хозяйство в штанах, нужно будет что-то с этим делать и предпринимать жесткие меры.

Но для начала - немного понаблюдать.

И потом уже решать, если понадобится. А то дело молодое, эмоций тьма. Может, сами и разберутся...

Или он ошибается?

Я не помнила, как доехала до дома.

Таксист что-то говорил - кажется, про пробки и погоду, - я отвечала невпопад и кивала не тогда, когда требовалось, а когда мозг выдавал запоздалую команду: «наверно, здесь надо согласиться».

Деньги перевела, даже на чай оставила, действуя на автомате, а не осознавая происходящее. Мысли мои были вовсе

не здесь, не в том, что происходило в данную секунду.

Квартира встретила ощущением, что она принадлежит какому угодно миру, но только не моему. И меня накрыло. Внезапно, как будто порвалась та тонкая грань, которая удерживала на людях водопад слез.

Они хлынули сами, без спросу. Я рыдала вздохом, усевшись прямо на пол и уткнувшись лицом в собственные колени, и даже не пыталась себя успокоить. Казалось, если я сейчас не выпущу эту боль наружу, она просто разорвет меня изнутри. Беременных, говорят, вообще нельзя расстраивать, но кто ж меня спросил?

Когда рыдания взяли паузу, я поднялась и прошествовала на кухню. Машинально налила себе стакан воды и выпила, чувствуя горечь от того, что и у меня на губах был привкус цианида.

Нужно было с кем-то поговорить и я набрала Зою. Вернее, Зои - она терпеть не могла свое паспортное имя и еще в школе приучила всех к этой интерпретации. Зои - потому что красиво, потому что не как у всех, потому что ей так захотелось. И плевать, что говорят окружающие. Я всегда завидовала этой ее черте.

- Сонь? - голос в трубке был встревоженным с первой же секунды. - Что случилось?

- Приедь, пожалуйста, - выдавила я и всхлипнула. - Прямо сейчас.

Зои не стала задавать лишних вопросов. Бросила корот-

кое «выезжаю» - и отключилась. Я знала: через полчаса она будет у меня.

Я успела умыться, но толку от этого было мало. Глаза все равно остались красными и опухшими, да и в целом видок у меня был еще тот.

Зои, едва взглянув с порога, присвистнула и без лишних слов заключила меня в объятия. И стало одновременно легче, но в то же время еще более горше, чем до этого.

- Ну, рассказывай. Кто тебя обидел, и на сколько частей его делить? - задала она вопрос, на который раньше бы я точно рассмеялась.

Мы прошли на кухню, где я заварила чай - скорее чтобы занять руки, чем из реальной потребности. И рассказала. Все, что случилось в этом проклятом коридоре. Все, что я слышала. Все, что он сказал ей обо мне.

Зои слушала молча - и это было страшнее любой ее реакции. Я знала ее достаточно давно, чтобы понимать: если Зои молчит, значит, внутри у нее закипает такое, что бедный Илья вряд ли хотел бы оказаться с ней в одной комнате. Ее глаза - живые, карие, всегда с хитринкой - прищурились донельзя, а на четко очерченных скулах заходили желваки.

Когда я замолчала, она еще с полминуты просто смотрела в стену, а потом отставила чашку, к которой даже не притронулась.

- Значит, так, - произнесла она каким-то чужим ледяным тоном. - Давай по пунктам.

Я слабо улыбнулась. Зои обожала справляться с хаосом именно таким способом - полным раскладыванием по полочкам.

- Первое. Твой муж - козел, и это не диагноз, а констатация. Второе. Его отец, судя по тому, что ты о нем рассказала, не идиот. Он понял, что ты расстроена, и, кажется, скорее на твоей стороне, чем на стороне сына. И третье. Если Аркадий Викторович сказал, что будет следить за тем, чтобы вы с ребенком не пострадали, - это не пустые слова. Я о нем навела справки, когда ты только начала с Ильей встречаться. Он человек жесткий, но слов на ветер не бросает.

Я обхватила себя руками, словно могла рассыпаться в любой момент. Впрочем, это было недалеко от правды.

- Я не знаю, могу ли я ему доверять ему, - призналась в ответ. - Он в первую очередь - отец Ильи. Кровь, как ты понимаешь, не водица...

- Кровь не водица, но у таких людей, как Гордеев-старший, есть кое-что поважнее крови, - Зои подалась вперед. - Дело всей жизни. Компания, наследник, династия. Ты носишь его внука, Сонь. Внука, которого он, судя по всему, очень ждет. Если встанет выбор между сыном, который путается в собственных штанах и рискует развалить семью, и невесткой с ребенком, - я бы на твоём месте не хоронила себя раньше времени. Он может оказаться твоим единственным козырем.

Я задумалась. В словах Зои был резон - холодный, праг-

матичный, который до сего момента я в расчет не брала. Выходит - зря. Аркадий Викторович действительно смотрел на меня не как на пустое место. Он мог бы пройти мимо и сделать вид, что ничего не заметил. Но он остановил и задал вопросы. Дал понять, что он на моей стороне - или, по крайней мере, на стороне будущего внука. А в моем положении даже такой временный союзник был на вес золота.

- Думаешь, мне стоит ему рассказать? - спросила я тихо.

- Я думаю, тебе не стоит торопиться, - Зои покачала головой. - Но держать этот вариант наготове нужно. Пока ты не знаешь всей картины - а ты ее не знаешь, - лезть к Гордееву-старшему с откровениями рановато. Сначала разведка.

- Какая разведка?

- Вероника, - произнесла Зои таким тоном, будто это слово было ругательством. - Я ее помню. Мы с ней не пересекались близко, но в обществе о ней ходит вполне конкретная молва. И молва эта, скажем так, не про ее добродетель.

- Я знаю, - пробормотала в ответ.

И воспоминание об этом самом знании полоснуло по натянутым до предела нервам. Неужели мой муж настолько сильно помешан на этой своей «малышке», что ему плевать на шлейф слухов, которые идут следом за ней и явно взяты не с потолка? Черт... Он ведь нас даже называл одинаково... Малышка... Гадость!

- Я слышала кое-что еще до свадьбы, - проговорила следом. - Но Илья говорил, что это все в прошлом.

- Говорил он! - Зои хмыкнула. - Судя по тому, что ты слышала сегодня, это прошлое вполне себе резвится в настоящем. Я пробую ее через общих знакомых. Аккуратно. Узнаю, что она из себя представляет, какие у нее интересы и насколько глубоко она запустила когти в твоего мужа. Мне нужно буквально несколько дней.

Я посмотрела на подругу и почувствовала что-то, отдаленно похожее на облегчение. Зои была со мной и действовала - быстро, четко, без лишних сантиментов. Именно то, что мне сейчас требовалось, потому что сама я могла только плакать.

- Спасибо, - прошептала я.

- Не за что пока, - она поднялась и одернула толстовку. - Поблагодаришь, когда я раскопаю на эту курицу достаточно грязи, чтобы отбить у нее желание приближаться к твоему мужу. Или наоборот - чтобы ты сама перехотела этого мужчину. Что тоже вариант.

Она ушла, оставив после себя мою уверенность: я больше не одна в этой войне.

И пусть пока не было представления, что делать с Ильей, с Вероникой, с собственным разбитым сердцем, - у меня хотя бы появился план.

Вернее, план появился у Зои. А это почти одно и то же.

Вечером того же дня Зои примчалась снова - на этот раз не одна, а с Петром. Я открыла дверь и увидела обоих: она с пакетом, из которого торчали коробки с суши, он - с бутыл-

ками безалкогольного пива и неизменной усмешкой на лице.

- А вот и мы! - объявила Зои и, не спрашивая разрешения, прошествовала на кухню. - Что я, что Петя решили - мы не можем спокойно есть роллы, зная, что наша беременная подруга сидит одна и грустит! - добавила Зойка.

Петр галантно чмокнул меня в щеку, проходя мимо.

- Сонь, пиво безалкогольное, но если надо будет - сделаем вид, что надрались вдрызг и насочиняем кучу планов мести, - пообещал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.